

Н. В. ЕЛИЗАРОВА

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

«ОБРАЗ ВРАГА» В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ

Аннотация: В статье рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность Белого Омска в условиях Гражданской войны в России на примере материалов периодической печати 1918–1919 гг., находящихся на хранении в справочно-информационном фонде Исторического архива Омской области. Привлекая широкий круг различных газетных материалов (публицистических, аналитических, литературно-художественных, информационных), автор с помощью метода контент-анализа выделяет основные черты политического и военного противника Белого движения – большевизма, определяет специфику «белой» пропаганды, базирующейся на основе сакральных библейских аналогий и национально-исторических символов, выявляет причины невысокой степени воздействия агитации на сознание и настроение людей.

Ключевые слова: Гражданская война, Омск, Белая столица, периодика, агитация, пропаганда, имагология.

Постановка проблемы. В период Гражданской войны в России 1918–1922 гг. агитационно-пропагандистская работа являлась одним из ключевых средств борьбы с противником. Во время военно-политического противостояния белых и красных последние победили во многом, благодаря грамотному ведению информационной войны, что способствовало привлечению широких слоев населения на сторону большевиков. Изучению методов пропагандистской деятельности большевиков, их воздействию на умы граждан бывшей Российской империи посвящены многочисленные научные труды. Однако аналогичная деятельность белого движения менее изучена, что связано с двумя основными факторами: 1) засекреченностью для исследователей массивного пласта архивных источников, которая имела место вплоть до 1990-х гг.; 2) устоявшимся в отечественной историографии представлениям, которых придерживался ряд видных ученых, об аппарате пропаганды белого движения как о консервативном явлении, не отвечавшем духу времени и интересам народных масс и обреченном на поражение в силу своей реакционности, а потому не представляющем интереса для исследования, как исключение – анализ деятельности в качестве негативного противопоставления большевизму.

Основная часть. Прежде чем начать анализировать конкретный исторический период, в контексте настоящего материала уместно привести определение основных терминов, на которые мы опираемся в исследовании. Термин «образ врага» в историографии имеет несколько размытое и многозначное значение, поэтому под данным определением мы будем понимать совокупность специфических под воздействием политической пропаганды представлений об участвующей в военно-политическом конфликте противоборствующей стороне, представляющей собой угрозу и преследующей разрушительные цели. Понятие «политической пропаганды» наиболее четко обозначил в своей монографии А.В. Фатеев, как «систематическое внедрение в массовое сознание при помощи средств массовой информации, идей и символов для достижения намеченного политического результата» [1, с. 3].

В Омске в июне 1918 г. Советская власть была низвергнута, и город на короткое время стал столицей белой России, сначала под эгиджой Временного Сибирского правительства, Директории, затем Российского правительства А.В. Колчака, которое продержалось у власти до ноября 1919 г. В этот период на территории региона выходили многочисленные периоди-

ческие издания (газеты «Наша Заря», «Заря», «Дело Сибири», «Русская армия», «Приишимье», «Русское дело», «Сибирская речь», «Русь», «Сибирский вестник», «Правительственный вестник», «Известия», «Дело Сибири», «Военные ведомости», «Наша газета» и др.), впоследствии вошедшие в справочно-информационный фонд Исторического архива Омской области. Изучение данных источников позволило зафиксировать способы конструирования «образа врага», выявить его специфику и характеризовать обстоятельства, при которых велась агитационная работа.

По мнению Д.Н. Шевелева, на начальном этапе вовлечения белого движения в военнополитическую борьбу, его представители считали неприемлемым применение мер пропагандистского воздействия, аналогичных большевистским. Во многом, считает историк, «это являлось следствием негативного отношения белого офицерства как к «политике», под которой они понимали главным образом антигосударственную деятельность, так и к «агитации» и «пропаганде» в частности. Военные предпочитали думать, что у них вовсе нет никакой «идеологии», а сражаются они за общенациональные, общероссийские интересы» [2, с. 3]. Действительно, представители белого движения заявляли не о политической борьбе, подобно большевикам, о миссии спасти «святую Русь», будущее страны. Но агитационной работы они не чурались, правда, она приобрела несколько иной формат, чем у их политических противников. Антибольшевистские политические режимы довольно активно старались наладить работу информационного-пропагандистского аппарата [3, с. 11].

Белое движение не имело такой пропагандистской подготовки, как большевики, начавшие информационную войну задолго до начала не только Гражданской войны, но и Революции 1917 г. Проанализировав причины поражения в Первой русской революции 1905–1907 гг., большевистские лидеры сделали ставку на тотальную агитацию среди самых широких социальных слоёв населения как на фронте, так и в тылу, а после захвата власти в октябре 1917 г. – видели в ней один из главных способов удержания власти. Белым потребовалось значительно больше времени для включения в работу. Долгое время одним из лейтмотивов белой прессы были растерянность, обескураженность, замешательство. Схожие настроения имели место и у других политических оппонентов большевиков. Так, журналист эсеровской газеты «Дело Сибири» А. Коряков в начале октября 1917 г. писал: «За чрезвычайным подъемом настроения, характеризовавшим первое полугодие революции, идет упадок настроения, уныние, апатия... Массы потерялись, массы распыляются, уходят от интересов общих к своим прежним мелким обывательским интересам...» [4, с. 1].

Переломным моментом можно считать Октябрьскую революцию 1917 г. Как отмечает современный исследователь истории революции В.Б. Шепелева, «объективная, психосоциальная, ментальная картина революции – это картина потрясающих контрастов» [Цит. по: 5, с. 11]. Сразу после переворота в газете «Заря» появилась заметка, лаконично названная по дате свершившегося события – «12 ноября 1917 г.». Это день был назван «днем печали и слез», когда состоялся «преступный захват власти маленькой группой людей, называемых себя большевиками, увлекших за собой темные, озлобленные массы...» [6, с. 1]. Большевистские лидеры еще не были перечислены поименно, что характерно для прессы более поздних месяцев, но само движение уже получило нелестные характеристики, развившиеся и закрепившиеся в последующих номерах печатного издания: «мятежники», «захватчики», «темная шайка преступных лиц», «грязная предательская свора», «темная туча», «политические авантюристы и анархисты», «провокаторы», «разрушители», «грозные силы». В данном контексте стоит отметить исследование И.Б. Гасанова, установившего общие черты «образа врага» у различных обществ, культур, народов: «Враг изображается чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью. При этом главное в «образе врага» – его *полная дегуманизация, отсутствие человеческих черт, человеческого лица... Абсолютный враг безличен, хотя может и персонализироваться...*» [7, с. 11]. Будучи

людьми верующими, воцерквлёнными, авторы белой периодики изображали представителей большевизма как явление богопротивное. Подавляющее количество материалов белой прессы характеризуют антибольшевистские силы посредством библейских аналогий. Так, слово «большевик» стало синонимами слов «Иуда», бесы. Антибольшевистские силы, напротив, именовались «истинными сынами Родины». Основой белой пропаганды являлась представляемая печатью в разных ракурсах угроза потери русской культуры, русской веры, русской государственности в случае победы большевиков [8, с. 151].

Отдельно стоит рассмотреть стихотворные тексты поэтов Белой столицы, которыми пестрили рассматриваемые нами газетные издания. Из новозаветных персонажей на страницах произведений поэтов Белого Омска чаще всего можно увидеть образ Иуды Искарота. О нем упоминают омские поэты Никто-Не (стихотворение «Страдал ли кто...»), Н. Охотин («Из песен изгнанника»), И.Н. Скрыпченко («Возмездие»), Фотиев Ниф («Приказ Троцкого»), Конек-Горбунок («Красная каша»). «В произведении последнего проглядывают остросатирические ноты, классический образ предателя дополняют черты представителя партии, захватившей власть в стране – «комиссар ты наш, батюшка, / Большевик, свет Иудович»; причем, указывается также источник получения пресловутых тридцати сребреников (в данном конкретном тексте – «красная большевистская каша») – «А где ты изволил крупы достать? / Из Германии, матушка, из Германии / У Вильгельма, сударыня, большеусого» [9, с. 23].

К 1919 г. газетные материалы белой прессы стали еще жёстче, категоричнее, и хоть и не приобрели формы трибуны как у политических оппонентов, но стали выразителем и источником формирования мнения определённой части населения Урало-Сибирской территории о большевизме. Если охарактеризовать основные черты облика врага, о котором писала белая пресса, то он будет складываться из следующих элементов. Большевизм – это голод. Иллюстрируем цитатой из статьи, напечатанной в «Нашей газете» в декабре 1919 г.: «При дальнейшем продвижении советских войск вглубь Сибири продовольственный кризис перейдет в продовольственную катастрофу, и тогда население... воочию испытает все последствия владычества большевиков... Советская власть, куда бы она ни ступала, несет за собою для населения... голодный паек. От истощения, недоедания, вечной заботы о корке хлеба население вымирает. Призрак голодной смерти не щадит никого: ни взрослых, ни детей. Люди в Петрограде мрут, как мухи. К такому положению придут все, кто, надеясь на большевиков, будет спокойно ждать их прихода» [10, с. 1]. Поскольку в новостном блоке изданий регулярно сообщалась статистическая информация из разных регионов России, тем самым подтверждая слова корреспондентов газет о нехватке продовольствия, такие материалы производили внушительное, пугающее впечатление.

Большевизм – это безбожие. «Религию большинства населения они сделали предметом издевательства, храмы оскверняют и превратили в кинематографы или места для сборищ, на которых обсуждаются планы новых насилий и убийств... Не было еще в истории человечества такого худшего духовного рабства и неволи – чем ныне в стане большевиков» [11, с. 2]. К печатным материалам присовокуплялись новостные сводки о погибших насильственной смертью священнослужителях и наглядная агитация (рисунки) – например, повешенных на кресте священнослужителя и крестьянина.

Большевизм – это насилие. «То пьяное и разнузданное отребье, те общественные подонки, на которые с самого начала октябрьской революции опиралась советская власть, которые ею самую вынесены на гребень политической жизни, теперь начинают ею приводить в ужас своими действиями. Вся социалистическая республика насыщена злодеяниями, насилиями и издевательством» [12, с. 1]. Материалов, подобных вышеупомянутому, в прессе тех лет – подавляющее большинство. Очень редко в них проглядывают популистские ноты, скорее паника и страх. Сведения о фактах насилия со стороны красных в отношении местного населения, служителей церкви, солдат и офицеров добровольческой армии можно найти

в новостных сводках или некрологах, которые были размещены, как правило, на том же газетном развороте, что и статья.

Некрологи содержали скупую биографическую информацию, хотя поводом для их написания нередко были трагические события. «В годы Гражданской войны слово о мертвом стало до предела кратким, лишенным эмоциональной окраски, носившем сугубо новостной характер: сообщалась лишь самая необходимая сухая информация, часто – без традиционных нот скорби и сожаления... Не всегда освещалась и причина смерти, за исключением случаев, когда смерть была насильственной; тогда писалось коротко – «убит» или «погиб» [13, с. 44]. Так, на первой полосе № 14 газеты «Заря» от 22 января 1919 г. Омская организация РСДРП и члены партии социалистов-революционеров известили о похоронах на Казачьем кладбище «дорогих товарищей» И.И. Кириенко и И. И. Девятова, «убитых в ночь на 23 декабря прошлого года» в результате антиколчаковского восстания. А, к примеру, в газете «Русская армия» за 1919 г. сообщалось о проведении заупокойной литургии в честь павшего в бою под Белорецким заводом в августе 1918 г. кадета Володи Рогозина [14], добровольца партизанского отряда есаула Б.В. Анненкова. Отметим, что все эти трагические свидетельства о смерти подавались в прессе сухо, лаконично, без пропагандистского восхваления и героизации смерти, ставшей высшей точкой прожитой жизни. В большевистской прессе схожие обстоятельства гибели являлись синонимом слова «подвиг», искусно работали на создание мученического ореола и преподносились в качестве образца для подражания. Перо большевистских корреспондентов отличалось творческой свободой и не гнушалось гиперболизацией и фальсификации ради манипулирования общественным сознанием. Авторы материалов белой периодики не отходили от сухого факта, избегали эмоциональной окраски, что снижало силу воздействия на умы.

Большевизм – это культурная деградация. «Идет враг безжалостный, бессознательный, кровожадный, который разрушил нашу вековую культуру, наше искусство, обратил в развалины и пепел исторические ценности: картинные галереи, памятники, древние соборы и церкви, разукрашенные кистями великих художников, музеи, театры и покрыл многоверстную ширь беспредельно прекрасной России катакомбами трупов русской интеллигенции» [15, с. 3]. Материалы общего характера подкреплялись конкретными примерами. Так, в № 7 газеты «Единая Россия» был напечатан некролог на смерть не принявшего революцию писателя Леонида Андреева [16, с. 2]. Информативен некролог, посвященный памяти председателя Омской судебной палаты В. В. Едличко, человека образованного, культурного, являвшегося членом Археологического общества, общества искусств и ряда других. Его жизненная трагедия типична для представителей интеллигенции, живших с ним в одну эпоху: «Он встретил революцию, которая не пощадила его и выбросила за борт привычной служебной деятельности, – писал соратник покойного В.В. Булдеев. – Можно безошибочно сказать, что В.В. [Вячеслав Вячеславович – прим. авт.] был смят и раздавлен революцией. Человек старой государственной школы, был насильственно лишен возможности отдавать всего себя любимой службе, которая для него была личным делом... Я разумею чисто общественную и политическую сторону всей нашей смуты, которая разрушением всех ценностей – духовных, культурных и материальных – загнала всех русских людей, где можно было лишь умирать, а не жить» [17, с. 3].

Публицистические материалы, а нередко и аналитические, заканчивались призывами свергнуть нелегитимную, по мнению представителей белогвардейского блока, власть: «Все, кому дороги идеалы любви и истины, кто непримиримый враг насилия, тьмы и деспотизма, возьмитесь за оружие, и как доблестные рыцари отечества, встретьте орду насильников, несущих с собой голод, болезни, проклятия и страдания» [15, с. 3].

Одним из пропагандистских приемов изучаемых нами источников был связан с дискредитацией репутации лидеров большевизма. Следует отметить, что немало газетных материалов посвящено Л.Д. Троцкому, где педалировалась тема его отчужденности от Рос-

сии. Например, «Кто такой Троцкий? Эмигрант. Когда в России свобода – Троцкий в России, когда реакция, Троцкий путешествует во Франции, Германии и Австрии» [18, с. 2]. Так или иначе, в газетных публикациях обыгрывалась тема корыстолюбия, стяжательства и незаконного обогащения революционера (за счет награбленных у бывших владельцев материальных ценностей). В качестве примера приведет один из газетных материалов, имевших сатирический подтекст: «По сообщениям лиц, вырвавшихся из советской России, Троцкий в последнее время усиленно скупает драгоценные камни. Особенно «его величество» интересуется жемчугами. При покупке Троцкий не торгуется, платит какие угодно деньги и с горящими глазами забирает «камушки». Знает, что бумажные деньги, особенно «троцкие», за границей не разменяешь. А везти золото тяжеленько: ему не пуд и не два нужно. А «камушки» положены в саквояж – и хоть на аэроплане улетишь» [19, с. 4]. Текстов, подобных этому, в белой прессе было немало.

Если говорить о стилистике публиковавшихся материалов, то их характерной чертой была витиеватость, вычурность слога: «граждане, оденьте траур, оплачьте свободу, проститесь с родной великой страной», «идет последний акт великой трагедии... злодей вонзил нож в самое сердце» [20, с. 1]. Эти стилистические изыски были понятны начитанному представителю интеллигенции, но не крестьянину или рабочему. Для последних требовались более точные и конкретные формулировки с указанием того, что нужно делать. И большевистские пропагандисты и агитаторы, составляя руководства к действию, безапелляционно и бескомпромиссно призывали вещам, далеким от книжной эстетики – «убить белогвардейскую гадину».

Результаты исследования. Итак, Белое движение формировало «образ врага» по классической схеме – «свой – чужие», для которой были характерны мотивы обвинения оппонентов и оправдания собственных действий. Большевики в пропагандистских материалах белой прессы представляли варварами, пришедшими на русскую землю извне. Собственная позиция белых, напротив, имела статус приемника и защитника русской государственности, начиная с седой древности, с основания Руси. Поэтому печатные материалы содержали призывы защитить не Россию, а именно Святую Русь. Разрушение российской государственности отображались при помощи библейских сюжетов, с нотами апокалипсической обречённости. Символами служили образы «Руси на Голгофе», «Ноева ковчега», сгрузившего на борт обломки утраченной России и плывущего в далекий неведомый путь, «братоубийственную распрю Каина и Авеля», «тернового венца» на челе распятой Руси, «всемирного потопа», с которым ассоциировалась наступившая эпоха революционных изменений и которая отождествлялась с «мерзостью», «грязью», «страшного суда», коим именовались выпавшие на долю русского народа испытания, «Воскресения Христова», с чем связана надежда на восстановление нормальной жизни. Изображение «образа врага» создавалось поэтапно, фрагментами, в зависимости от ухудшения социально-экономической, политической и военной обстановки в стране. Белое движение хотя и имело конкретные цели и идеологические установки, и предлагало альтернативу в развитии страны после Октября 1917 г., но подача этих идей была рассчитана на узкую целевую аудиторию – офицерство, духовенство, интеллигенцию, и не охватывала бы все социальные слои.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., ИРИ РАН, 1999, 360 с.
2. Шевелев Д.Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны: по материалам периодической печати. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 230 с.

3. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
4. Коряков А. Берегитесь // Дело Сибири (Омск). 1917. 3 окт.
5. Сушко А.В. «Русская» vs «социалистическая»: к вопросу об определении характера революции в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 9–12.
6. Заря (Омск). 1917. 12 ноября.
7. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: РАУ, 1994. 40 с.
8. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157. DOI: 10.17223/15617793/411/20.
9. Елизарова Н.В. Библейские образы в произведениях поэтов Белой столицы 1918–1919 гг. // Сибирь литературная XVIII–XXI веков: мат–лы Всеросс. науч.-практ. конф. Омск: Наука, 2018. С. 20–25.
10. Где выход? // Наша газета (Омск). 1919. 4 декабря.
11. Урманский М. Почему мы боремся с большевиками // Русская армия (Омск). 1919. 15 авг.
12. Начало конца // Русская армия (Омск). 1919. 1 февраля.
13. Елизарова Н.В. Некрологи в периодических изданиях времён Гражданской войны (на материалах Исторического архива Омской области) // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: мат–лы всеросс. науч. конф., посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы России (Омск, 15 ноября 2018 г.). Омск: ОмЮОА, 2019. С. 42–51.
14. [Некролог] // Русская армия (Омск). 1919. 24 января.
15. Набат // Русская армия. 1919. 30 августа.
16. Андреев А. Вместо венка // Единая Россия (Омск). 1919. № 7.
17. Булдеев. В.В. Едличко [Некролог] // Сибирская речь (Омск) 1919. 24 января.
18. Этому нет имени. // Заря (Омск). 1917. 12 ноября.
19. Камушки // Наша заря (Омск). 1919. 5 июня.
20. Смирнов А. Позор, нация // Заря (Омск). 1917. 16 ноября.